

Евгений КОРОБЧЕНКО

Красноярск

Евгений Васильевич Коробченко родился в 1941 году в городе Лиски Воронежской области, в семье железнодорожника. В 1949 году пошёл в железнодорожную школу № 9, в 1956 году окончил 7 классов и поступил в Россошанское медицинское училище Воронежской области. По специальности фельдшер. Работал в Тюмени, в областном тубдиспансере. Служил в рядах Советской Армии. Учился в Красноярском государственном медицинском институте, одновременно работал в больнице неотложной хирургии рентген-лаборантом. В 1970 году распределён на работу в Красноярский краевой противотуберкулёзный диспансер. С 1971 по 1986 год работал врачом-рентгенологом в поликлинике КраЗа. В 1986 — 1991 годах — фотограф крайфотообъединения. С 1991 года — пенсионер и предприниматель (оказывал фотоуслуги населению по 2014 год). Публиковался в журнале «Первая краевая» (журнал Красноярской краевой больницы), в альманахах «Новый Енисейский литератор», «Петровская слобода» Лискинского краеведческого музея Воронежской обл., в газете «Красноярский рабочий».

ДЕТИ ВОЙНЫ

Продолжение. Начало в «НЕЛ» №№ 5/2021, 1 — 5/2022, 1 — 2/2023

*Буксую на подъёме,
А слева был овраг.
Идёт осенний дождик,
Водителю он — враг!
Рискую головою:
Ползёт машина вниз,
Мотором дико воет
И борется за жизнь...
Успел тогда на счастье
Я первую «воткнуть»,
Когда в грязи машину
Сумело развернуть.
Колёса, как по маслу,
Всё крутятся вперёд,
Рванут на метр машину —
Потом она замрёт...
Резина го сухого
Пытается достать,*

А коль не докопается —
Придётся умирать.
Однако Бог всемилоостив:
Дождь кончился с небес,
И вскоре до сухого
Я медленно «голез».
Поднял капот машины —
С мотора пышет жар:
Коллектор раскалённый
Мог дать тогда пожар.
На малых оборотах
Я двигатель студил
И вскоре на дежурстве
На полигоне был.
Та жуткая буксовка
Напрасно не прошла
И лопасть у крыльчатки
Со шкива сорвала.
Случилось то в дороге
(Мы ехали в Юргу),
Две лопасти остались,
И ехать я могу.
Два болтика ослабли —
Их надо проверять,
Тогда и не пришлось бы
Нам лопасти терять!
На бампере железном
Я лопасть рихтовал,
Болты вкрутил другие —
Мотор как новый стал.
Обратно с полигона
В казарму вёз солдат,
А «Правила движения»
О спусках говорят:
«Включай ту передачу,
С которой ехал вверх,
Тогда тебе на спуске
Сопутствует успех».

Но я не снизил скорость,
Спускался на «прямой»,
Машина «заюзила»,
В кювет нас потащило,
Мы «страху натерпелись»,
Ах, Божечко ты мой!
А что законы физики
Об этом говорят?
«Воздействует здесь масса
И скорости квадрат!»
И грунтозацепление
Плохое у дорог,
Коль дождь смочил немного
Иль снег им в том помог.
Распахнул у будки дверь:
«Все ли живы, братцы?
И придётся вам теперь
„Пёхом“ добираться!»
А машина поперёк
Стала на дороге,
И бензин в мотор не тёк —
Ниже бак намного.
Ручку вставил в храповик,
Заднюю «воткнул»
(Молод был тогда старик),
С силой крутанул.
Провернулась шестерня,
Дёрнулась машина —
Из кювета через час
Вынул «коломбину».
Поступил бензин в мотор,
Двигатель завёлся,
Только к вечеру тогда
К части я «припёрся».
Да на ужин опоздал
(Шибко не везёт),
Но сержант Жуйков сказал:
«Взял тебе „расход“».

*Кашу синюю несёт
Из каптёрки мне.
Съел селёдочки кусок
С кашей при луне,
Чай холодный похлебал,
Рассказал свой случай.
Тут Васильев вдруг сказал:
«Быть шофёром — хорошо,
А не быть — так лучше!»
Мы однажды с Колей шли
У складов армейских,
Он вдруг нагпись увидал,
Перевёл шутейски:
«Посмотри-ка — склад ОВСА
[отдела вещевого снабжения армии]
Вижу за дорогой.
Стыдно лошади в глаза
Мне смотреть, ей-богу!
Это сколько же овса
Съедено народом!»
(Ведь служили мы тогда
В армии три года.)*



**Справа — Коля наш Васильев, штатный ротный балагур!
Юрга Кемеровской обл., 1962 год**

День танкиста в сентябре
В клубе отмечали,
Не поздравила жена —
Нахожусь в печали.
У казармы вижу вдруг
Лавку военторга,
Продавщица там была,
Только нету торго.
Продавщице доложил:
«Все солдаты — в клубе!
Вас туда бы перегнать —
Там торговля будет».
«Да шофёра у нас нет,
Дома спит мальчишка,
Привезла я вам конфет,
Пряники и пышки».
«Ну, да это ерунда,
Тут решаем скоро,
Мы найдём сейчас гля вас
Нашего шофёра».
Зажигание включил —
Топливо есть в баке,
В карбюраторе бензин
Капает, однако.
За машиной не следил
Парень тот гражданский,
Загореться на ходу
Здесь имелись шансы.
Редко капает бензин
Из иглы запорной:
Там прокладочка стоит
Из резины чёрной.
Но прокладочку бензин
Вскоре разъедает,
На коллектор он впускной
Тут же попадает.
От пожара тут стоит
Слабая защита:

Лишь жестяночкой одной
Место то прикрыто.
Масла — уровень в «движке»,
Есть вода в системе;
Захотелось вдруг помочь
Этой славной деве.
Срочно двигатель завёл,
Глянул — убедился:
Вентилятор гул струёй,
И бензин тот из иглы
Быстро испарился.
«Ну, поехали, мадам!» —
Говорю ей вскорее.
«Благодарна очень вам —
Помогли мне в горе!»
Автолавку парковал
Близенько у клуба,
Здесь солдаты собрались,
Словно в тень у губа.
Шла до вечера тогда
Бойкая торговля,
Автолавку возвратил
Я к казарме с поля...

Под Таскино то было:
Трещал тогда мороз,
Танкистов-офицеров
Штабной автобус вёз.
Я сижу на сундучке
(Заняты сидения),
А в салоне был «губак» —
Нету отопления.
(Медицинский сундучок,
На каком я еду,
Оказался мне тогда
«Ложкою к обеду».)
Офицеры — в куртках все
И штанишках ватных,

Я же еду в сапогах
И в шинельке штатной.
Пар клубится изо рта,
На стекло садится,
Нам не видно ни черта —
Можно и разбиться!
Вовчик Сыслов за рулём
Тот мороз ругает,
Щепкой иней со стекла
Как-то соскребают.
Погодвинул сундучок
Я с крестом тем красным:
«Соскребаешь, „старичок“,
Иней ты напрасно!
Ты доверь-ка дело мне —
„Дворником“ трудиться,
Заменяю тебя вполне,
Чтоб нам не разбиться!»
Час проходит, полтора,
Мы свернули с трассы,
Вдруг заглох тогда мотор.
Что за «прибамбасы»?
Вовчик лезет под капот —
В чистом поле стали:
Карбюратора иглу
Где-то потеряли!
«Ехать дальше не могу!» —
Объявляет Вова.
По морозу и в пургу
Топать будем снова.
Вовчик краники открыл,
Воду выливает,
От мороза-«шалуна»
Двигатель спасает.
Добирались часа два
До казармы нашей,
Нас на ужин повара
[Сургутский и Заварзин]

Накормили кашей.
У Васильева нашлась
В мастерской иголка,
На «летучке» «буксирнул»
Он на трассу Вовку.
Мне товарищ старшина
Валенки «надыбал»,
В них потом уж до весны
На снегу я «стрыбал» [прыгал].
У танкистов каждый день
Были здесь учения:
Обучались все стрельбе,
Навыкам вождения.
Установлен в боксе танк
На стальной платформе,
«Колыхался» танцу в такт —
Отстреляй-ка норму!
Пулемёты: «Тра-та-та!» —
Целый день стрекочут,
Поражают здесь мишень
От утра до ночи.
Раздаётся вдруг: «Ба-ба-ах!»
(Заложило ушки) —
Это танк здесь «на ходу»
«Саганул» из пушки.
Освоив тренажёры,
Танкисты входят в раж:
Теперь уже в движении
Стреляет экипаж.
Фанерные мишени
Возникли вдруг вдали,
В регламентное время
В них пушку навели.
С «короткой» остановки
Стреляет экипаж,
От выстрела подпрыгнет
«Тридцать четвёртый» наш.
Вот двинулся он дальше —

Там «фаустник» сидит,
Его не обезвредишь —
И будет танк «подбит».
Теперь из «курсового»
Огонь наш танк ведёт
(Мишени исчезают,
Коль пуля попадёт).
Сижу за наблюдателя
На вышке полковой,
Даю сигнал: «В атаку!»
Потом сигнал: «О-отбо-ой!»
Уж прапорщик Булгаков
[Александр]
Все дыры подсчитал:
«Все хорошо стреляли,
Я дыры „залатал“!»
Амфибия «вступает»
С «тяжёлым танком» в бой:
Снарядом прожигает
Лист толстый броневой.
Снаряд кумулятивный
«Воткнулся» в этот лист,
Искрится синим пламенем —
Наш победил танкист!
Пошла колонна танков
На Енисейский тракт,



Наблюдатель на вышке. Таскино, 1961 год

Позицию заняли —
Не видно их никак.
С закрытой той позиции
Стрельба им предстоит,
А рядышком на тракте
Жизнь движется, кипит.
Вот танки изготовились,
Звучит команда: «Пли!»
От залпа сосны дрогнули,
И грянул гром вдали.
Водитель-гальнобойщик
Вдруг резко тормозит,
Пинает все колёса,
Нам кулаком грозит.
При выстреле повторном
Махнул на нас рукой,
А только он уехал —
Уж тормозит другой!
Прошла зима морозная,
Звенит уже капель,
И солнце жжёт серьёзно
В двенадцатый апрель.
По рации сказали:
«Гагарин полетел!»
От радости и счастья
Я просто обалдел!
Достал тогда я линзу;
На вышке, где сидел,
Слова я солнцем выжег:
«Ура! Наш Человек в Космосе!»
(Он первым полетел.)
Так, значит, не напрасен
Здесь наш солдатский труд:
Такие результаты
Лишь в мирный день дают!

Недаром нас готовили
По части строевой —

Шагать нам на параде
Доверено судьбой.
Ремней надраив пряжки,
Мы топаям в пыли
(Тогда проспектов не было —
Мы по дороге шли).
Парадные мундиры
Шинелькою накрыв,
Ведут нас командиры
Куда-то «на прорыв».
Шагать пришлось галече,
Уж часик прошагал,
В районе крайбольницы
Объявлен нам привал.
Дошли и до Игарской,
Минуя ипподром,
Восторженный народом
Оказан нам приём.
Старшина тут улыбнулся,
Дал команду: «Запевай!»
Песня вырвалась наружу —
Рот пошире открывай:
«Запевай-ка, запевала-а-а,
Мы-ы подхватим за тобо-о-ой,
Чтобы песня зазвучала
Над колонной боево-о-ой!
Мчатся танки-и-и
По дорога-а-ам
На высоких скоростя-я-ях,
И солдат весёлых много
В бронета-а-анковых частя-я-ях!»
Приосанились солдаты:
Гулок, чётко мерный шаг —
Молодые все ребята,
И огонь горит в сердцах.
Шли по городу мы с песней,
Люди шарики несли,
После зимнего мороза

Это был расцвет земли.
До трибун дошли мы вскоре,
Отдохнуть бы нам пора,
Огласило площадь вскоре
Наше громкое: «Ура-а-а!»
Вернулись пешим строем
В родимую мы часть,
Ещё на ужин праздничный
Нам надлежит попасть.
Меню совсем другое:
«Кирзовой» каши нет —
Нам повара на праздник
[Бабаева и Дранишников]
Нажарили котлет.
Игу, снимаю пробу,
Раздачу разрешил,
Котлету дополнительно
Мне старший положил
[старшина Балаховский —
начальник столовой].
В солдатском нашем клубе,
Как будто на десерт,
Нам силами музвзвода
Вечерний ган концерт.
Соседи-музыканты
Концерт у нас вели,
Послушать наши песни
Девчонок привезли.
С баяном парень вышел,
Межа в сердцах рванул,
И музыкой набатной
Он душу вострепнул:
«Встава-а-ай, страна огромная,
Встава-а-ай на смертный бой
С фаши-и-истской силой тёмною,
С прокля-я-ятою оргой!
Пусть ярость благородная
Вскипа-а-ает, как волна-а-а, —

*Идёт война народная,
Свяще-е-енная война!..»
В бинтах на сцене парни
Ведут последний бой,
Цигарку нервно курят
И жертвуют собой:
Вот танка нарастает
Мотора дикий рёв,
Тут песню исполняет:
Олежка Матыжов:
«Гори-и-ит
Черноморское солнце в тума-а-ане,
Акации с нами в пути-и-и,
По у-у-улице песня шагает
И ма-а-анит,
Солдат — в ногу с песней иди-и-и!
Оте-е-ец твой прошёл
Эту улицу с бо-о-о-ем,
Пог танки бросался твой бра-а-ат...
Тогда-а-а лишь становится
Город геро-о-о-ем,
Когда стал геро-о-о-ем солда-а-ат!»
Допел Олежка песню,
Гранаты он схватил,
Метнулся за кулисы,
На сцене свет включил.
Ударил в барабан он,
Раздался звук: «Ба-ба-ах!»
Свет выключил Олежка,
А в зале — жуткий страх.
Но стих того мотора
Утробный страшный рык,
Так, значит, не напрасно
Жизнь отдана, «старик»!
Но снова приближается
Ещё один мотор —
И этот получает
Такой же здесь отпор...*

Один солдат остался,
Бинтованы глаза,
Он напрягает уши:
«Опять идёт гроза?»
На ощупь тянет руки,
Гранату достаёт,
Потом на эти звуки
В отчаянье идёт.
Мелькнула ярко вспышка,
Раздался звук: Ба-ба-ах!»
Волнение прокатилось
Вдруг в зрительских рядах.
Рыдал тут наш полковник,
Недавний фронтовик,
Под грузом впечатлений
Он головой поник...
Пришлось и мне для хора
«Берёзы» запевать,
Чтоб как-то напряжение
У зрителя унять:
«Я трогаю русые косы-ы-ы,
Ловлю твой задумчивый взгля-я-яг,
Над нами весь вечер берёзы-ы
О чём-то чуть слышно шумя-я-ят...
Берё-ё-ёзы-ы, берё-ё-ёзы-ы,
Ро-о-одные берёзы не спя-я-ят,
Берё-ё-ёзы-ы, берё-ё-ёзы-ы
О чём-то чуть слышно шумят.
Неужто свинцовой метелью
Земля запыляет окре-е-ест,
И снова в солдатских шинеля-я-ях
Ребята уйдут от неве-е-ест?
Берё-ё-ёзы-ы, берё-ё-ёзы-ы,
Ро-о-одные берёзы не спя-я-ят,
Берё-ё-ёзы-ы, берё-ё-ёзы-ы
О чём-то чуть слышно шумят...»
Баюкал хор со сцены,
Посыл сердечный шёл,

Душой оттаял каждый,
Кто на концерт пришёл.
Сыграл «Молдаваняску»
Володя нам Кривов,
Потом исполнил пляску
Валера Берсенёв.
(В артисты он подался,
Срок службы отслужив,
Но в жизни не встречался,
Хотя я долго жил.)
А вот Аршинский Коля
В больницу к нам попал:
Ему наш сослуживец
В «общаге» в «морду» дал.
Дружны мы были с Колей,
На лыжах он ходил,
Последнею зимою
Меня на Томь водил.
В хорошую погоду
Мы делали забег,
В лыжне шуршали лыжи,
Вокруг искрился снег.
Бежал Николка первым,
Не уставал твердить:



Снова встретились с Аршинским (справа): Коля нынче — гражданин! Красноярск, 70-е годы



Лыжный забег. Юрга Кемеровской обл., 1963 год

*«Побольше тренируйся —
„Мужчинкой“ надо быть!»
На спусках мы скользили,
А на подъём — плелись,
И невдомёк нам было:
Крадётся рядом рысь!
Но вовремя заметил
Её наш часовой,*



**Рысь подстрелил однажды на смене часовой...
Юрга Кемеровской обл., 1963 год**

Пальнул из автомата —
Остался он живой.
С охотничьим трофеем
Товарища заснял:
Добычу за загривок
На снимке он поднял.
Огромную ту кошку
Держали мы втроём,
За лапы растянули
(Заснялся я потом).
В грузьях моих армейских
Был Баринов [Анатолий]
И Гердт [Андрей],
Нас на «Столбы» возили —
Мы выкинули «ферт»:
Забрались на вершину
Мы Первого столба
Без всякой подготовки —
Хранила нас судьба!
С вершины покорённой
С Андреем мы глядим:
Над соснами витает
Белёсый, сизый дым.
Карабкались и в жизни
Мы неуклонно вверх,



**Забраться на вершину солдату нелегко,
зато с Андрюшей Гердтом (справа) мы видим далеко...
Красноярск, «Столбы», 1961 год**

И от трудов тех праведных
Пришёл тогда успех:
Закончив институты
(Я — мег, он — политех),
По социальной лестнице
Мы поднимались вверх.
Но тут «гуманитарий»
От «технаря» отстал:
Я доктором трудился,
Начальником он стал
[отдела капитального строительства].
Но ту тропу к вершине
Вовек не забывал:
Сестру и братьев ныне
Сюда я поднимал.

В двадцатых числах мая
Ударил вдруг мороз,
Ранеток цвет ломая,
Бегу тогда принёс.
Покрылись льдом деревья,
Под тяжестью его
Ломались ночью ветви,
Беда пришла в село.
Рассада в огородах
Покрылась «куржаком»,
И вскоре почернели
Томаты с огурцом.
В диковину мне было
Такое наблюдать:
У нас ведь под Воронежем —
Тепло и благодать!
Несёт там воды тёплые
Родимый тихий Дон,
В шестнадцать раз поменьше
От Енисея он.
Со льдов полярных Севера
Холодный ветер гул,

Здесь сельское хозяйство
В «бараний рог свернул».
Но сила богатырская
В водице той была,
И море электричества
Стране она гала.
Каскадом гидростанций
Покрылся Енисей,
Трудился днём и ночью
Для Родины моей.
Я битву с Енисеем
В те годы наблюдал,
А Зябрев Анатолий
Всё в прозе описал
[«Енисейские тетради»,
Красноярское книжное
издательство, 1981 год].
Учил, конечно, в школе
И я родной язык,
Неплохо занимался,
Но в тайны не проник.
Подростком (по несчастью)
Я в ДТП попал,
В больнице настрадавшись,
Путь медика избрал.
Увлёкся фотографией
И музыку любил,
А по авто, конечно,
С ума чуть не сходил.
Аппаратуры всякой
По фото я собрал,
Фотографом, однако,
Потом по жизни стал.
Писал лучами солнца
Людей былых портрет
(Те карточки остались,
Хотя людей уж нет).
Конечно, с аппаратом

Мы ездили на ГЭС,
И снимки те сегодня
Являют интерес.
Страна тогда сказала:
«На Енисее ГЭС — даёшь!»
С рекою биться стала
Страны всей молодёжь.
Она отвоевала
У речки котлован,
Плотину возводила
(Вода неслась в проран).
Поставлены турбины,
Готов машинный зал,
Скомандовал тут Бочкин
[Андрей Ефимович,
начальник стройки]:
«Пора закрыть проран!»
Взорвали перемычку,
Затоплен котлован,
И вскоре ход привычный
Для Енисея ган.
Бетонопирамиды
Везли грузовики,
Из кузовов швыряли
Тот груз на дно реки.
Летели тетраэдры
С двух берегов в проран,
Лишь удивлялись кедры
И пресса разных стран.
Огромные машины
Колоннами всё шли,
Швыряли тетраэдры
И новые везли.
А Енисей ярился
И пеной клокотал,
Но вот в семнадцать тридцать
Тут кто-то прокричал:
«Вон угол тетраэдра

Уж из воды торчит!»
«Ура-а-а! — народ ответил, —
Гигант наш перекрыт!»
За годы эти глинные
На ГЭС не раз бывал,
Жемчужину России,
Конечно, заснимал.
Стоит, дугой изогнута
(Должна стоять века),
Плотина рукотворная —
Работает река.
А весит та плотина
Пятнадцать миллионов тонн,
Использован особенный
Здесь марочный бетон.
В тот год в хребтах Саянских
Обильно выпал снег,
Хотя гидростроители
Отметили успех.
А море Красноярское
Наполнилось водой,
И это обернулось
Огромною бедой.
Вода у речвокзала
Лизала паранет,
Тревожно людям стало:
ГЭС устоит иль нет?
Распорядился Бочкин:
«Вновь перемычке — быть!
А донные отверстия —
Немедленно открыть!»
(Шесть тысяч кубометров
В секунду речка льёт
Через донное отверстие,
Когда затвор уйдёт.)
Тащили «каракатицы»,
Варили у реки,
Подняли перемычку

С водой вперегонки.
Работа эта адова
Закончена уже,
И люди устояли
На этом вираже.
Когда-то в котловане
С семьёю побывал,
Сухую перемышку
Воочию видал.
Столовая стояла
На ней здесь у реки,
Вдали мелькали сварки
Весёлой огоньки.
Варили водоводы,
И кранов журавли
Детали те огромные
На тросах там несли.
А мама из Воронежа
Сказала только: «Ах!
Теперь я понимаю
Сибирский ваш размах!»
Дешёвая энергия
Досталась нам не в раз,
На ней теперь работает
Наш знаменитый КраЗ.
Ещё заводов сотню
Питала мощь реки:
Светила, согревала,
Крутила их станки.
Свояк-кемеровчанин
К нам в отпуск приезжал,
Просил он первым делом,
Чтоб ГЭС я показал.
Мы с ним и с сыновьями
Отправились на ГЭС,
У всех гостей-приятелей
К ней острый интерес.
На электричке прибыли



Ожидание электрички на вокзале Дивногорска. Слева направо: сын Андрей, Евгений Коробченко, свояк Владимир Миронов. 80-е годы

*Мы в славный Дивногорск,
Потом с моста взбирались
Там на крутой откос.
Лесной тропинкой горной
Прилично прошагав,
Поднялись на площадку,
Порядочно устав.
Внизу видна плотина,
Невольно скажешь: «Ух!»
(От этой панорамы
Захватывает дух.)
Бурлит через турбины
Притихшая вода,
Невольно чешешь «репу»
И произносишь: «Да-а-а...»*



Сын Костя на Красноярской ГЭС. 80-е годы



Коллектив поликлиники КраЗа на Красноярской ГЭС. 70-е годы

*Коллег из поликлиники
Здесь удалось заснять,
Когда автобус КраЗа
Привёз нас отдыхать.
Водитель автоцеха
На ГЭС нас доставлял,
Площадку смотровую
Ему я показал.
Ещё с главинженером
Крайфото были здесь,
И от моста засняли
Мы левый берег весь.
Художник-груг Володя
Привёл сюда «Москвич»,*

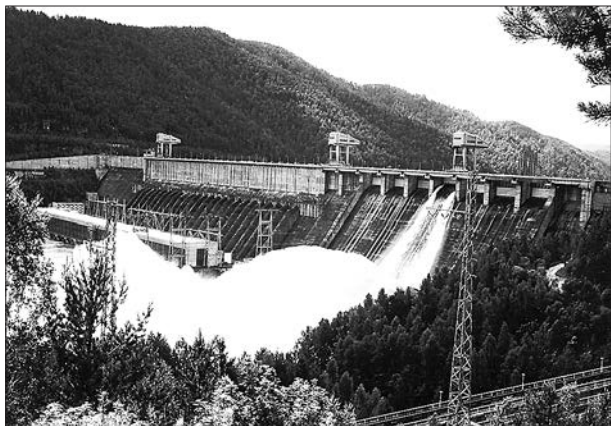


**Евгений Коробченко и художник Владимир Крылов
на Красноярской ГЭС. 22.07.2006 года**



Художник В. Крылов рисует водосброс на Красноярской ГЭС.
22.07.2006 года

*С сегою бороною
Он выглядел как «бич».
Но вот мольберт поставил
И ГЭС нарисовал,
Толпу зевак-туристов
Вокруг себя собрал.
В тот год опять высокая
На ГЭС была вода,
Её плотина сбросила —
Мы ехали сюда.
Снимали это чудо,
Как паводок идёт
И как в водоотбойник
Струя шальная бьёт.
Открыты были шлюзы,
И лишняя вода
В них плавно изливалась
И падала сюда.
Упав со стометровой
Небесной высоты,
В отбойнике взмывала
Фонтаном красоты.
Из капель мираадов
Здесь возникал туман,
И радуга сияла
Туристам разных стран.*



Водоброс на Красноярской ГЭС (вид с левобережья). 6.07.2004 года

*Светило мирно солнце;
Его поймал я блик
В воде проёма шлюза,
Как только он возник.*

*Теперь в Юрге служили,
Струит там воды Томь.
На «дембель» чемоданы
В последний год готовь.
С Борискою Жуйковым
(Наш ротный старшина)
Мы в институт готовились
(Учила нас страна).
На курсах подготовки
Я в городе бывал,
Зазнобушку Светлану
Тогда не забывал.
Однажды подарил ей
Подснежников букет,
Её братишку встретил:
«Что Женьки долго нет?»
«Да служба заполошная, —
Ему я отвечал, —*

Теперь на курсах занят.
Ну, будь, я побежал!»
Жара тогда стояла,
Все вышли в танкопарк,
Дежурить жарко стало,
Я снял армейский «фрак».
На сундучке с лекарствами
Под солнышком сижу,
На солнце загораю
И в физику гляжу.
Сегодня Борька «ляпнул»
На физике ответ:
«Должна перевернуться».
«Да знаний у вас нет!»
Машина в повороте,
Возможно, упадёт,
Когда водитель шалый
В тот поворот войдёт.
Ведь сила центробежная
Вперёд „жмёт“, не назад,
Хоть масса постоянная,
Да скорости — квадрат!
Тут надо скорость сбросить,
Тут надо тормозить,
Чтоб технику и жизни
Людские сохранить.
И радиус, конечно,
Ты большой выбирай,
Тогда живым останешься,
И будет тебе „рай“!
Эм-вэ квадрат на радиус —
Нам формула гласит...»
От книги оторвался —
Полковник наш стоит
[Владимир Фёдорович Староверов].
Вскочил я как ошпаренный,
А он мне говорит:
«Солдату не положено

Иметь позорный вид!
За то, что форму сняли,
Придётся наказать:
В „тенёчке“ гауптвахты
Вам надо побывать.
Даю вам десять суток,
Как шубу я с плеча!
(Конечно, был не в духе —
Там служба горяча.)
А что вы здесь читаете?»
«Да физику учу,
Я в институт собрался,
Учиться я хочу...»
«Ну, дело то похвальное,
Вам сброшу суток пять,
Чтоб в старости ту вахту
Могли вы вспоминать».
В каморке гауптвахты
Отныне я сижу
И на окно с решёткой
Под потолком гляжу.
А к стенке «пришпандорена»
Здесь под замок кровать —
Действительно, забавно
Сейчас мне вспоминать.
В углу имелась тумбочка,
К ней был и табурет,
Его мне заносили,
Когда несли обед.
Потом всё убрали,
Остались лишь шаги
Да мысли озорные
По поводу Юрги.
Солдаты-караульные
Пошли навстречу мне:
Карандашом Светлане
Писал я при луне.
(Мне на ночь табуретку

Ребята занесли,
Бумагою снабдили —
Поклон им до земли.)
Я за больных в санчасти
Всегда стоял горой,
Хоть фельдшер я обычный,
А вовсе не герой.
Однажды дело было:
С фурункулом солдат
Отправлен офицером
На пищеблок в наряд.
Его при медосмотре
Тогда остановил,
С инфекцией той гнойной
Работать запретил.
Снимаю в кухне пробу,
Картину вижу вот:
Солдатык тот с «хворобой»
Бачок с борщом несёт.
Я доложил майору,
Тот — полковой наш врач
[Григорий Семёнович Авин],
Он отстранил больного,
Но рано прыгать вскачь.
Опять на пищеблоке
Солдата повстречал:
«Людей нехватка в роте —
Мне офицер сказал...»
Тогда в «Советский воин»
Заметку написал,
Тот офицер с повинной
В санчасть к нам прибежал.
Понял я силу слова
Печатного вполне,
Теперь пишу Светлане
Письмо я при луне.
Наутро под конвоем
Шагал уж без ремня,

Катал с соляжкой бочки
На складе я три дня.
Два дня на клумбе штаба
Работать довелось —
Травы среди цветочков
Там много развелось.
Но эта гауптвахта —
По сути, ерунда.
Пришла к нам настоящая,
Огромная беда:
Обижен офицером
По службе был солдат,
Он отомстить задумал,
Имея автомат.
Вот в караул однажды
Солдат тот заступил,
Начкаром в это время
Его обидчик был.
Ведёт начальник смену,
Глухая ночь темна
(Мне чудится та сцена —
Сегодня не до сна);
Их часовой окликнул,
Начкар ответ подал,
Тогда солдат со злобы
Всю смену расстрелял!
Спасла их лишь команда —
Начкар вскричал: «Ложись!»
Канавы придорожная
Спасла тогда им жизнь.
Но в темноте не видно,
Что живы все они,
Солдат решил: «Последние
Мои настали дни».
К виску приставив дуло,
Нажал он на курок,
И кровь горячей лавой
Пролилась на песок.

Потом уж труп солдата
В санчасть к нам принесли,
На кладбище юргинское
Попозже отвезли.
А в часть явилась мама
Над сыном здесь рыдать,
Сердечными уколами
Пришлось её спасать.
Вхожу я в помещение,
Где скорбный гроб стоит,
Гляжу — «покойник» с мамой
О чём-то говорит...
Глазам я не поверил
И стал их протирать...
«То брат-близнец, не бойтесь!» —
Мне пояснила мать.
Братишка тоже в форме
(Он в армии служил,
Был вызван телеграммой
И срочно прикатил).

Но вот военной службе
Три года отдано,
И к знаниям открылось
Для нас тогда окно.
Со старшиной Жуйковым,
Окончив службу тут,
Приказы получили,
«Рванули» в институт.
Когда же на учёбу
Приказ я получил,
«Поляну» отходную
Нам коллектив «накрыл».
Стаканчик водки «хряпнул»
Тогда «на посошок»:
«Учись, не возвращайся
Сюда уже, дружок!»
С баяном, чемоданом

Отправлен на вокзал,
Прощальное «спасибо»
Друзьям тогда сказал:
«Служите, мои други,
Всем недругам назло,
Учиться убываю —
Мне крупно повезло.
Ведь лишние полгода
Учёбой я скостил,
Хотя свои три года
Вчистую отслужил».
А случай самострела
Потом я описал,
Когда уж в Красноярске
Учиться поступал.
Девчонки молодые
За партами тряслись,
Писали сочинение —
Их здесь решалась жизнь.
Шпаргалками, конечно,
Девчонки запаслись.
(Одна потом призналась —
В компании однажды
Мы позже собрались:
«Безухов был в бюстгальтере,
Ему там — хоть бы хны,
А всех молодогвардейцев
Запрятала в штаны».)
Расселись в зале актовом
Подальше, чтоб списать,
На просьбы сесть поближе
Им было наплевать.
В мундире был сержантском,
Скомандовал я: «Встать!
И надобно передние
Столы теперь занять».
Девчонки потянулись
К передним тем столам,

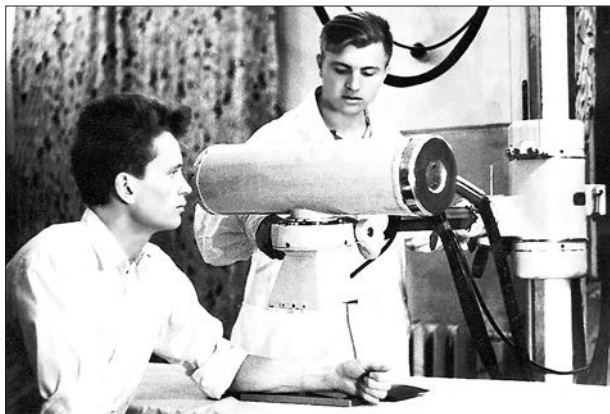
Где темы сочинения
Выкладывают нам.
От тем литературных
Рябило уж в глазах:
Серьёзные такие,
Берёт за сердце страх...
Вдруг тема промелькнула
Спасительным лучом:
«А как вы представляете
Служение врачом?»
«Вот тема подходящая,
Её и надо взять», —
И мысли благородные
На лист стал излагать.
Начал о службе медика
Тогда издалека:
«Ведь роды принимает
Врачебная рука!
И у постели Пушкина
[Александра Сергеевича]
Опять же доктор был,
Когда на Чёрной речке
Дантес его сразил.
И выстрел тот французский
Взорвал тогда весь мир:
Убит поэт был русский,
Наш гений и кумир!
А человек по жизни
Всегда с врачом идёт:
На стройке, на заводе,
На фронт коль попадёт.
В Победе нашей славной,
Добытой не с плеча,
Заслуга есть немалая
И нашего врача.
Надёжней супостата
Тогда наш воин бил,
Коль фельдшер-санинструктор

В атаке рядом был.
Служил и в партизанах
Наш неумный врач,
Он с парашютом прыгал,
На конях нёсся вскачь.
Но мало было песен
О медиках в войне,
Одну лишь вспоминаю
(Пронзила сердце мне):
„Ты заштопал меня
На столе медсанбата,
Без сознания найдя на снегу“.
Писал о медсанбатах,
Ещё писать могу,
Как врач шагал и ехал
В морозы и в пургу».
Недавно о Баилове
Хасане написал,
Как подвиг свой лечебный
В Чечне он совершал:
Он триста ампутаций
Страдальцам произвёл,
Когда отряд Басаева
На мины вдруг забрёл.
Да, тема та — бездонная,
Пора нам закруглять:
«Четыре» мне поставили
(Хотел, конечно, «пять»!).
Ещё одну лишь тему
Хочу поднять на вид
О подвиге лечебном,
Когда пришёл «ковид».
С бедой такой огромной
Мы справились опять,
За это медицине
Поставить надо «пять»!
Ура! Я принят, я — студент!
А как же мне учиться,

Когда успел уж в двадцать лет
Я в армии жениться?
Нужны работа и жильё,
В порту пришлось трудиться,
Где общежитие дают,
А вечером — учиться.
Анатомический театр
Тогда мы посещали,
Но санитарки, вымыв пол,
Туда нас не пускали.
Толпу студенток я заснял
И к прессе обратился,
В газету «Медик» снимок дал —
Вопрос и разрешился.
Работа и учёба
Своим шли чередом,
Мужчина рухнул с крыши —
Пронзил мужчину лом.
Спасение чудесное
В «Красрабе» описал
[«Список № 1» — № 52
от 21.07.2021 года, стр. 26–27],
Теперь и снимки к месту
Недавно отыскал.



**Проникающее ранение грудной клетки ломом.
Красноярск, 60-е годы**



Рентгенолаборант Е. Коробченко. Больница неотложной хирургии. Красноярск, 1964–1970 годы

*Рентгенолаборантом
Работал я тогда,
Когда с тем бедолагой
Произошла беда.
Он был прооперирован,
Остался даже жить;
Мы дальше продолжали
Учиться и служить.
Супруга стюардессой
Летала в те года,
Я ночевать в «общагу»
Являлся иногда.
Крутил в порту «баранку»,
На лекции бежал,
А на ночь в неотложке
Ещё дежурства брал.*

Красноярск, 12 – 22 мая, 14 – 19 июня 2022

Продолжение следует